

Катрин Панколь Черепаший вальс

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890509
Панколь, Катрин Черепаший вальс : [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083804-2

Аннотация

Запретные поцелуи и первая любовь дочери, загадочные убийства и письма с того света, борьба темных и светлых сил, Средние века и будни богатого парижского кондоминиума, кровавый ритуал и лучший рецепт рождественской индейки — все смешалось в жизни Жозефины... Роман Катрин Панколь «Черепаший вальс» взорвал французский книжный рынок, перекрыв тиражи Анны Гавальда.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Катрин Панколь

Черепаший вальс

Посвящается Роману...

Katherine Pancol

La Valse lente des tortues

Печатается с разрешения издательства Albin Michel и литературного агентства Anastasia Lester

© Éditions Albin Michel S.A., 2008

© Брагинская Е., перевод, 2012

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Часть первая

— Мне пришла посылка, — сказала Жозефина Кортес девушке в окошке почтового отделения на улице Лоншан, в 16-м округе Парижа.

— Из Франции или из-за границы?

— Не знаю.

— На чье имя?

— Жозефина Кортес. К-О-Р-Т-Е-С...

— У вас есть извещение?

Жозефина протянула желтенькую бумажку: «На ваше имя получена посылка...»

— Удостоверение личности, — устало попросила служащая, крашеная блондинка с блеклым лицом и блуждающим взглядом.

Жозефина достала удостоверение и положила на стойку перед девицей, которая тем временем завязала беседу с коллегой о новой диете на основе красной капусты и черной редьки. Наконец она взяла документ, приподняла одну ягодицу, затем вторую и, потирая поясницу, слезла со стула.

Вперевалку она направилась к коридору и исчезла из виду. Черная минутная стрелка ползла по белому циферблату стальных часов. Жозефина смущенно улыбнулась выстроившейся за ней очереди.

Я ведь не виновата, что мою посылку куда-то засунули и не могут найти, словно оправдывалась ее сгорбленная спина. Я не виновата, что она сперва попала в Курбеуа, а уж потом сюда. Да и вообще, откуда она взялась? Может, из Англии, от Ширли? Но ведь она знает мой новый адрес. В принципе это похоже на Ширли: взять и прислать тот самый чай, что она покупает в «Фортнум энд Мейсон»¹, пудинг и пару вязаных шерстяных носков, чтобы у меня не мерзли ноги, когда я работаю. Ширли всегда говорит, что любви как таковой не бывает: любовь состоит из мелочей. Любовь без мелочей — все равно что море без соли, салат без майонеза, ландыш без колокольчиков. Жозефина скучала по Ширли. Та уехала с сыном Гэри в Лондон. Видимо, насовсем.

Служащая вернулась, держа в руках пакет размером с обувную коробку.

— Вы собираете марки? — спросила она у Жозефины, взгромождаясь на стул, жалобно пискнувший под ее весом.

— Нет...

— А я да. И, скажу я вам, эти просто великолепны!

Сощурившись, она еще полюбовалась марками, потом придвинула пакет к Жозефине. Жозефина увидела на грубой оберточной бумаге свое имя и прежний адрес в Курбеуа. Пакет был перевязан не менее грубой бечевкой, лохматившейся на концах пыльными грязными кисточками: посылка явно не первый день валялась на почтовых полках.

— Не могла ее найти, вы же переехали. Она издалека. Из Кении. Вон какой путь проделала! И вы, кстати, тоже...

От ее язвительного тона Жозефина покраснела. Пробормотала что-то невнятное и извиняющееся. Она ведь не потому переехала, что ей не нравилось в пригороде, что вы, совсем нет! Она любила Курбеуа, любила свой квартал, и свою квартиру, и балкон со ржавыми перилами... и если уж начистоту, ей не нравится новое место жительства, она чувствует себя там чужой и лишней. Нет, она переехала только потому, что ее старшая дочь Гортензия не могла больше жить в предместье. А если Гортензии что-нибудь взбредет в голову, ничего не попишешь, приходится подчиниться, иначе она изничтожит вас презре-

¹ Знаменитый лондонский магазин, поставщик королевского двора. (Здесь и далее примечания переводчика.)

нием. Получив деньги за свой роман «Такая смиренная королева», Жозефина заняла еще солидную сумму в банке и смогла купить прекрасную квартиру. В прекрасном районе. На авеню Рафаэль, рядом с Ла Мюэтт. С одной стороны — улица Пасси и ее шикарные бутики, с другой — Булонский лес. Наполовину город, наполовину деревня: на это особенно упирал сотрудник агентства недвижимости. Гортензия бросилась Жозефине на шею: «Спасибо, мамулечка, благодаря тебе я начну новую жизнь, стану настоящей парижанкой!»

— Будь моя воля, я бы осталась в Курбева, — смущенно пролепетала Жозефина, чувствуя, что у нее пылают уши.

Что-то новенькое! Раньше я не краснела по любому поводу. Раньше я была на своем месте, может, не самом лучшем, зато своем.

— Ладно... Так что марки? Вы их оставите себе?

— Боюсь, мы испортим упаковку, если будем их срезать...

— Ну и бог с ними...

— Хотите, я вам их потом занесу?

— Да говорю же, бог с ними! Я просто так сказала, они мне показались красивыми... но я о них уже и думать забыла!

И она перевела взгляд на следующего в очереди, подчеркнуто перестав замечать Жозефину. Той ничего не оставалось, как убрать удостоверение в сумочку и самой убраться восвояси.

Жозефина Кортес всегда была робкой, не то что мать и сестра: те одним взглядом, одной улыбкой умели заставить себя слушаться или внушить к себе любовь. А Жозефина вечно терялась, краснела, заикалась и готова была провалиться сквозь землю. Одно время она надеялась, что успех поможет ей обрести веру в себя. Ее роман «Такая смиренная королева» вот уже больше года держался среди лидеров продаж. Но деньги не прибавили ей уверенности. Больше того, они стали наводить на нее ужас. Они изменили ее жизнь, ее отношения с людьми. И лишь одно не изменилось — мои отношения с самой собой, вздохнула она, оглядываясь в поисках кафе, где можно было бы присесть и вскрыть загадочный пакет.

Надо как-то найти способ не думать о деньгах. Деньги прогоняют страх перед страшным днем, но когда их становится много, с ними хлопот не оберешься. Куда их поместить? Под какой процент? Кто будет этим заниматься? Уж точно не я, подумала Жозефина, шагая по пешеходному переходу и чуть не попав под мотоцикл. Она попросила своего банкира, мсье Фожерона, положить деньги на свой счет и каждый месяц выдавать ей некоторую сумму, чтобы хватало на нормальную жизнь, на налоги, на покупку новой машины, на оплату школы и поездку Гортензии в Лондон. Вот Гортензия знает, как распоряжаться деньгами. И не будет впадать в ступор перед выпиской из банковского счета. Жозефина давно смирилась с тем, что ее старшая дочь в свои семнадцать лет разбирается в жизни лучше, чем она сама в сорок три.

На улице уже темнело: стоял конец ноября. Резкий ветер срывал с деревьев последние листья, они кружились в желто-рыжем вальсе и плавно опускались на землю. Прохожие шли, глядя себе под ноги, пряча лица от ледяных пощечин ветра. Жозефина подняла воротник пальто, посмотрела на часы. В семь они встречаются с Лукой в пивном ресторане «Петух», на площади Трокадеро.

Она посмотрела на пакет. Имени отправителя не было. От Милены? А может быть, от мистера Вэя?

По авеню Пуанкаре Жозефина вышла на Трокадеро и направилась к ресторану. До прихода Луки оставался еще целый час. С тех пор как она переехала в Париж, они всегда встречались здесь. Так она захотела. Надо же осваивать свой новый район. Она любила заводить привычки. «По мне, это место слишком буржуазное, слишком туристическое, — глухо ворчал Лука. — Нет в нем души, но коли вам так нравится...» По глазам всегда можно понять,

счастлив человек или несчастен. Взгляд не спрячешь. У Луки были грустные глаза. Даже когда он улыбался.

Жозефина толкнула стеклянную дверь, вошла, уселась за свободный столик. Никто не обращал на нее внимания, и слава богу. Может, она все-таки становится настоящей парижанкой? Потянулась было снять светло-зеленую вязаную шапочку, купленную на прошлой неделе, но передумала. Если снимешь, волосы растреплются, а причесаться она не посмеет. Причесываться на людях неприлично. Так ее учила мать. Жозефина улыбнулась. Хоть и не видятся они с матерью, та все равно живет в ней. Миндально-зеленая шерстяная шапочка была похожа на гармошку из трех сдутых автомобильных шин и венчалась плоским вельветовым блином. Посреди блина торчала плотная фланелевая пимпочка, как на классических беретах. Этот головной убор она заприметила в витрине бутика на улице Фран-Буржуа в Маре. Зашла, спросила, сколько стоит, примерила. Шапочка придавала ей лукавый и непринужденный вид: этакая озорная курносая девчонка. Оттеняла золотистым отблеском карие глаза, скрадывала круглые щеки, облегчала силуэт. Да, эта шапка подчеркивала ее индивидуальность. Накануне она ходила к мадам Бертье, классной руководительнице своей младшей дочки, узнать, как Зоэ учится, как осваивается в новой школе. Прощаясь, мадам Бертье надела пальто и водрузила на голову миндально-зеленую трехэтажную шапку.

— У меня такая же, — сказала Жозефина. — Я ее не надела, не решилась.

— Непременно носите! Во-первых, она теплая, а во-вторых, очень необычная. Изда-лека видно!

— Вы ее купили на улице Фран-Буржуа?

— Да. В малюсеньком бутике.

— Я тоже. Вот совпадение!

Одинаковые головные уборы сблизили их куда больше, чем долгая беседа об учебе Зоэ. Они вместе вышли из школы и двинулись в одну сторону, продолжая разговаривать.

— Зоэ сказала, вы приехали из Курбеуа?

— Я там прожила почти пятнадцать лет. И мне нравилось. Там, конечно, свои проблемы...

— Здесь тоже свои проблемы, и создают их не дети, а родители!

Жозефина с удивлением посмотрела на нее.

— Они все считают, что произвели на свет гениев, а мы просто не умеем распознать в них новых шатобрианов и пифагоров. Таскают их по репетиторам, на музыку и теннис, отправляют на каникулы за границу в крутые школы, и измученные дети спят на уроках или разговаривают с вами как с прислугой...

— Неужели?

— А когда вы пытаетесь напомнить родителям, что это всего лишь дети, они глядят на вас свысока и заявляют, что другие — да, может быть, но уж не их ребенок точно! Что Моцарт в семь лет написал «Маленькую ночную серенаду»² (жуткая тягомотина, между нами говоря), а их отпрыск ничем не хуже Моцарта! Не далее как вчера я сцепилась с одним папашей-банкиром: весь в дипломах и наградах, явился с претензиями, почему у его сына средний балл всего четырнадцать. Он, кстати, в одной группе с Зоэ... А когда я сказала, что это совсем неплохо, он воззрился на меня так, будто я его оскорбила. Его сын! Плоть от плоти его! И средний балл всего четырнадцать! Я думала, он на меня сейчас огнем дохнёт! Знаете, в наше время быть учителем опасно, и боюсь я не столько детей, сколько родителей!

Она расхохоталась и пришлепнула рукой свою шапку, чтобы ветер не унес.

У дома Жозефины они распрощались.

² На самом деле в семилетнем возрасте Моцарт написал свои первые сонаты, а «Маленькая ночная серенада» написана в 1787 году, когда Моцарту был 31 год.

— А я живу чуть подальше, — сказала мадам Бертье, показав налево, на соседнюю улицу. — За Зоэ присмотрю, обещаю.

Она прошла несколько шагов и обернулась.

— А завтра наденьте свою шапку! И мы с вами узнаем друг друга даже издалека. Незаметной ее не назовешь!

Это точно, подумала Жозефина: шапка похожа на кобру, поднявшую голову из корзинки. Так и ждешь, что сейчас заиграет флейта и она начнет раскачиваться. Жозефина засмеялась, кивнула, да, она тоже обещает, прямо с завтрашнего дня будет ходить в своей шляпке-гармошке. Интересно, одобрит ли ее Лука.

Они встречались уже год, но по-прежнему были на «вы». Два месяца назад, в сентябре, попытались перейти на «ты», но было уже поздно. Вышло так, словно их уединение нарушили два незнакомца. Два чужих человека, которые говорят друг другу «ты». И они остались на «вы». Как ни странно, это их устраивало. Их совместная жизнь их тоже устраивала: каждый жил у себя. Независимость превыше всего. Лука писал для университетского издательства научный труд об истории слез со Средних веков до наших дней. Почти все время сидел в библиотеке. В тридцать девять лет он жил, как студент, в квартире-студии в Аньере, с вечной бутылкой кока-колы и сиротливым куском пирога в холодильнике, не имел ни машины, ни телевизора и в любую погоду ходил в синем полупальто с капюшоном. Пальто служило ему вторым домом: в его глубоких карманах умещалось все, что могло понадобиться в течение дня. У Луки был брат-близнец Витторио, его главная головная боль. По морщинке между бровями Жозефина всегда могла понять, есть ли плохие новости от брата. Когда морщинка превращалась в глубокую борозду, было ясно, что созревает гроза. Она не задавала вопросов. В такие дни Лука был мрачен и молчалив. Он брал ее руку и засовывал в карман своего полупальто, вместе с ключами, ручками, блокнотами, леденцами от кашля, билетами на метро, мобильником, бумажными носовыми платками и рыжим, потертым кожаным бумажником. Она научилась на ощупь узнавать каждый предмет. Даже могла определить, какие он купил леденцы. Они встречались по вечерам, если Зоэ ночевала у подруги, или на выходных, когда та уезжала в Лондон, в гости к своему кузену Александру.

Дважды в месяц, по пятницам, Жозефина отвозила Зоэ на Северный вокзал. А Филипп и его сын Александр встречали ее на вокзале Сент-Панкрас. Филипп купил для Зоэ проездной на «Евростар», и та каждый раз уезжала, горя нетерпением вновь оказаться у дяди в Ноттинг-хилле, в своей комнате.

— У тебя там собственная комната? — изумленно воскликнула Жозефина.

— И даже собственный шкаф с кучей одежды, чтобы не таскаться с чемоданом! Филипп обо всем подумал, он такой замечательный дядюшка!

Да, в этой заботе был весь Филипп, ее деликатный, отзывчивый зять. Когда у нее возникали проблемы или ей нужен был совет, она всегда звонила Филиппу.

Он неизменно отвечал: я здесь, я рядом, Жози, ты можешь попросить меня о чем угодно, ты же знаешь. Она слышала его участливый голос и тут же успокаивалась. Она бы с радостью погрузилась в волны тепла, исходившие от этого голоса, отдалась на волю нежности, появлявшейся в его тоне, стоило ей произнести: «Алло, это я, Жозефина...» — но внутри моментально включалась сигнальная лампочка: «Внимание, опасность! Это муж твоей сестры! Соблюдай дистанцию, Жозефина!»

Ее муж Антуан, отец Гортензии и Зоэ, погиб полгода назад. В Кении. Он связался там с одним китайским бизнесменом, мсье Вэем, разводил для него крокодилов. Дела шли из рук вон плохо, Антуан запил, вел странные диалоги с рептилиями, которые его в упор не замечали, не желали размножаться, продирали заграждения и пожирали служащих. Ночи напролет он вглядывался в желтые глаза крокодилов, мерцавшие над неподвижной поверхностью пруда. Он хотел говорить с ними, хотел стать их другом. Однажды ночью он вошел

в воду, и один из них его сожрал. О его трагической гибели Жозефина узнала от Милены. Милена была любовницей Антуана. С ней он уехал в Кению на поиски приключений. Из-за нее он бросил семью. Нет, не из-за нее, думала Жозефина; он бросил меня потому, что больше не мог сидеть без работы, целыми днями слоняться по дому и жить на мои деньги. Милена была лишь предлогом. Строительными лесами для реконструкции личности.

Жозефине не хватило духу сказать Зоэ, что отец умер. Она объяснила, что папа уехал в джунгли осваивать новые крокодилы питомники, что там нет мобильной связи и что скоро он даст о себе знать. Зоэ покачала головой: «Значит, теперь у меня есть только ты, мамочка, лишь бы с тобой ничего не случилось», — и постучала по дереву, чтобы не сглазить. «Нет уж, со мной ничего не случится! Я непобедима, как королева Альенор Аквитанская: она дожила до семидесяти восьми лет, всегда оставалась сильной и никогда не жаловалась». Зоэ, немного подумав, подошла к делу практически: «А вдруг с тобой и правда что-нибудь случится? Я ведь сама ни за что не сумею найти папу!» Жозефина подумывала было слать дочке открытки «от папы», но мошенничать ей претило. Все равно рано или поздно придется сказать ей правду. Просто случая не подворачивалось. Да и какой, впрочем, может быть «удобный» случай объявить тринадцатилетней девочке, что ее отец окончил свои дни в пасти крокодила? Гортензии она сказала. Та сначала плакала, обвиняла Жозефину, но потом заявила, что так даже лучше, папа слишком страдал из-за своих неудач. Гортензия не любила переживаний, считала их пустой тратой времени и сил, сомнительными сантиментами, от которых недалеко и до жалости. У нее в жизни была лишь одна цель — добиться успеха, и никто, никто не мог сбить ее с пути. Она, конечно, любила отца, но ничем не могла ему помочь. Человек сам хозяин своей судьбы, папа оступился и дорого за это заплатил.

Что толку проливать потоки слез — его этим не воскресишь.

Это было в июне.

Жозефине казалось, что с тех пор минула целая вечность.

Гортензия блестяще сдала экзамены на бакалавра и отправилась учиться в Англию. Иногда они с Зоэ встречались у Филиппа и вместе проводили выходные, но обычно она врывалась, как ветер, целовала сестричку и тут же уносилась прочь. Она поступила в лондонский колледж Святого Мартина³ и работала не покладая рук. «Это лучшая школа стилистов в мире, — уверяла она мать. — Это дорого, я знаю, но ведь мы сейчас не бедствуем, правда? Вот увидишь, ты не пожалеешь, что вложила в меня деньги. Я стану стилистом с мировым именем». Гортензия не сомневалась в этом ни минуты. Жозефина тем более. Она всегда верила в старшую дочь.

Меньше года прошло, а сколько всего случилось! За несколько месяцев в моей жизни изменилось все. Я была одинока, меня бросил муж, надо мной издевалась мать, я погрязла в долгах, меня преследовал банкир... И я только что написала роман, чтобы сестра, моя дорогая сестрица Ирис Дюпен, могла поставить на нем свое имя и блистать в обществе.

А теперь...

Теперь права на экранизацию моего романа купил Мартин Скорсезе, а на роль Флорины, главной героини, прочат Николь Кидман. Я уже потеряла счет зарубежным переводам моей книги, а недавно подписала первый договор на китайском языке.

Теперь Филипп живет с Александром в Лондоне, а Ирис лежит в клинике под Парижем, лечится от депрессии.

Теперь я ищу сюжет для нового романа, потому что издатель убедил меня писать еще. Ищу, ищу — и не нахожу.

³ Центральный Колледж искусств и дизайна Святого Мартина, входит в состав знаменитого Лондонского университета искусств.

Теперь я вдова. Смерть Антуана была засвидетельствована местной полицией, доведена до сведения французского посольства в Найроби, а затем Министерства иностранных дел Франции. Отныне я Жозефина Плиссонье, вдова Кортес. И могу без слез думать об Антуане, о его жуткой смерти.

Теперь я живу по-новому: вот жду Луку, чтобы пойти в кино. Лука купит «Парископ»⁴, и мы вместе выберем фильм. Фильм всегда выбирает Лука, но делает вид, что отдает инициативу мне. Я положу голову ему на плечо, засуну руку в его карман и скажу: «Выбирайте вы». А он ответит: «Ладно, выберу, только потом не жалуйтесь!»

Она никогда не жаловалась. Наоборот, никогда не могла понять, что ему за удовольствие с ней общаться. Ночуя у него, чувствуя, как он засыпает рядом с ней, она забавы ради надолго закрывала глаза, а открыв, с удивлением, словно впервые, изучала спартанскую обстановку его комнаты, полоски света, пробивающиеся сквозь жалюзи, стопки книг на полу. На каждой стопке красовалась то забытая тарелка, то стакан, то крышка от кастрюли, то наполовину сползшая газета. Квартира старого холостяка. Жозефина наслаждалась ролью любовницы. Она у него дома, она спит в его постели. Она теснее прижималась к нему, легонько целовала его руку, сухую, как виноградная лоза, обвившая ее тело. У меня есть любовник. У меня, Жозефины Плиссонье, вдовы Кортес, есть любовник. У нее покраснели уши, и она пугливо оглядела кафе: вдруг кто-то на нее смотрит? Хоть бы Луке понравилась шапка! Если он сморщит нос, распорю ее и сделаю берет. Или суну в карман и никогда больше не надену.

Ее взгляд снова упал на пакет. Она развязала грубую бечевку, еще раз перечитала адрес. «Мадам Жозефине Кортес». Они не успели оформить развод. Да и неизвестно, решились бы на это или нет. Муж и жена. Брак заключают не для одних только радостей, брак заключают и ради ошибок, слабостей, уверток и обмана. Она больше не любила Антуана, но он по-прежнему был ее мужем, отцом Гортензии и Зоэ.

Она осторожно сняла бумагу, еще раз взглянула на марки, — сходить, что ли, отнести их девице на почте? — приоткрыла обувную коробку. Сверху лежало письмо.

«Мадам,

Вот все, что осталось от Антуана Кортеса, вашего супруга, все, что нам удалось найти после несчастного случая, стоившего ему жизни. Выражаем вам наше искреннее сочувствие. Мы сохраним самую светлую память о нашем товарище, он всегда был готов оказать услугу или всех угостить. Без него жизнь уже не будет такой, как раньше, а его место в баре в знак нашей дружбы отныне останется пустым.

Друзья и коллеги из кафе “Крокодил” в Момбасе».

Дальше шли совершенно неразборчивые подписи. Да и к чему ей было их расшифровывать? Она все равно не знала никого из этих людей.

Жозефина сложила письмо и развернула газетную бумагу, в которую были завернуты вещи Антуана. Достала часы для дайвинга — красивые часы с арабскими и римскими цифрами на большом черном циферблате; одну оранжевую кроссовку 39-го размера — Антуан стеснялся, что у него такая маленькая нога; крестильный медальон с ангелочком, задумчиво опершимся подбородком на руку; на оборотной стороне медальона были выгравированы имя, фамилия и дата рождения Антуана, 26 мая 1963 года. И наконец, длинную прядь каштановых волос, прилепленную скотчем к пожелтевшей картонке, на которой было написано от руки: «Волосы Антуана Кортеса, французского коммерсанта». Эта прядь волос потрясла Жозефину. Тонкие, шелковистые волосы так не вязались с образом, который выбрал для себя

⁴ Парижский еженедельник.

Антуан... Он не любил свое имя, называл себя «Тонио». Тонио Кортес. Это звучало шикарно. Он сразу чувствовал себя удальцом, охотником из прерий, а на самом деле все время боялся неудач, боялся оказаться не на высоте.

Она погладила прядь волос. Бедный мой Антуан, ты не был создан для этого мира; тебе бы подошел мягкий, пушистый опереточный мирок, где можно безнаказанно ходить гоголем, где ты бы живо распугал всех крокодилов своим бахвальством. А тут они тебя заглотнули и не поперхнулись. Не только те рептилии, колыхающиеся в болоте. Все крокодилы нашей жизни, поджидающие нас, разинув пасть. В мире полно этих мерзких тварей.

Вот и все, что осталось от Антуана Кортеса: картонная коробка у нее на коленях. По сути, она всю жизнь держала мужа у себя на коленях. Внушала ему иллюзию, что он главный, а отвечала за все сама.

— Ну, а вы, милая дама, что желаете?

Перед ней стоял официант.

— Колу-лайт, пожалуйста.

Официант удалился пружинистым шагом. Надо бы ей заняться спортом. Она опять стала расплываться. А ведь специально выбрала квартиру рядом с Булонским лесом, чтобы бегать по утрам. Жозефина выпрямилась, втянула живот и велела себе сидеть с прямой спиной как можно дольше, чтобы укрепить мышцы.

По улице спешили прохожие. Обгоняли друг друга, толкали. Не извинялись. Мимо прошла влюбленная парочка. Молодой человек обнимал девушку за плечи, она прижимала к груди стопку книг. Он что-то шептал ей на ухо, она слушала.

О чем же будет мой следующий роман? Из какой эпохи — из нашей или из моего любимого XII века? Его я хотя бы знаю. Знаю, как люди тогда чувствовали, знаю, как полагалось любить и как вести себя в обществе. А что я знаю про сегодняшнюю жизнь? Да почти ничего. Я только учусь. Учусь общаться с людьми, учусь обращаться с деньгами, всему учусь. Гортензия разбирается в этом куда лучше меня. Зоэ еще ребенок, хоть и меняется на глазах. Мечтает быть похожей на сестру. Я тоже, когда была маленькая, во всем подражала сестре.

Я боготворила Ирис. Смотрела на мир ее глазами. А сейчас она лежит, ко всему безучастная, в полумраке больничной палаты, и взгляд ее огромных синих глаз стал совсем пустым. Она меня почти не замечает, почти не слушает, погруженная в безбрежное море скуки. Однажды, когда я просила ее помягче относиться к персоналу, окружающему ее заботой, она ответила: «Я себя-то не выношу, что уж говорить о других», — и ее рука бессильно упала на одеяло.

Филипп ее навещал. Платил за лечение, за палату в клинике, за квартиру в Париже, выплачивал жалованье Кармен. Кармен, преданная и упрямая дуэнья, каждый день составляла для Ирис букеты и привозила в клинику: полтора часа в один конец на общественном транспорте, с двумя пересадками. Ирис раздражал запах цветов, их выносили из палаты, и они увядали за дверью. Кармен покупала ей пирожные в чайном салоне «Марьяж Фрер»⁵, накрывала ее постель розовым кашемировым пледом, подкладывала ей на тумбочку книгу, прыскала в палате изысканным освежителем воздуха и ждала. Ирис спала. Около шести вечера Кармен на цыпочках выходила из палаты, а на следующий день приходила с новыми дарами. Жозефине больно было смотреть на молчаливую, преданную Кармен и бесстрастную Ирис.

— Ну подай ей знак, скажи хоть что-нибудь... Она приходит каждый день, а ты на нее даже не смотришь. Это невежливо.

— Мне не до вежливости, Жозефина, я больна. И потом, она меня утомляет своей любовью. Оставь меня в покое!

⁵ «Марьяж Фрер» — самый знаменитый чайный магазин Парижа, существует с 1854 г.

Порой ее немного отпускало, голос оживал, щеки розовели, и тогда она становилась очень злой. В последний раз, когда Жозефина ее навещала, их разговор, поначалу вполне нейтральный и безобидный, быстро перешел на повышенные тона.

— У меня был один-единственный талант, — заявила Ирис, разглядывая себя в карманное зеркальце, которое всегда держала под рукой. — Я была красива. Очень красива. И даже этого я скоро лишусь! Видишь морщинку, вот здесь? Еще вчера вечером ее не было. А завтра появится еще одна, и еще, и еще...

Она со стуком положила зеркальце на пластиковый столик и пригладила короткие черные волосы, постриженные под четкое каре. Эта прическа молодила ее лет на десять.

— Мне сорок семь лет, и я загубила свою жизнь. Загубила в себе женщину, мать, да и вообще все... И ты думаешь, я захочу проснуться? Чего ради? Лучше уж спать.

— А как же Александр? — еле слышно произнесла Жозефина без особой убежденности в голосе.

— Не строй из себя дурочку, Жози, ты прекрасно знаешь, что я никогда не была для него матерью. Так, какое-то явление, какая-то знакомая, даже не подруга: мне с ним было скучно и, подозреваю, ему со мной тоже. Он к тебе, своей тетке, ближе, чем ко мне, матери, так что...

А Филипп? Этот вопрос вертелся у Жозефины на языке, но она не решалась его задать. Ты не боишься, что он начнет новую жизнь, что он найдет другую? Не боишься остаться совсем одна? Нет, это было бы слишком жестоко.

— Ну, попробуй стать просто хорошим человеком... — заключила она. — Это никогда не поздно...

— Господи, какая же ты зануда, Жозефина! Прямо монахиня в борделе, пришла спасать заблудшие души! Даже тут ты меня достала, даже тут читаешь мне морали! В следующий раз не трать силы на дорогу, посиди лучше дома. Ты вроде переехала? В прекрасную квартиру в прекрасном районе? Мне наша милая мамаша сообщила. Между прочим, ей до смерти хочется к тебе зайти, только она не хочет звонить первой.

По ее губам скользнула слабая презрительная улыбка. Огромные синие глаза, за время болезни ставшие еще больше, потемнели от зависти и злобы.

— У тебя теперь есть деньги. Много денег. Благодаря мне. Это я обеспечила успех твоей книги, не забывай! Ты бы сроду не сумела найти издателя, не смогла бы давать интервью, выступать на публике и уж точно бы не позволила остричь себя налысо, чтобы привлечь к себе внимание! Так что избавь меня от своих проповедей и пользуйся деньгами. Пусть хоть одной из нас они послужат!

— Ирис, ты несправедлива.

Сестра выпрямилась. Прядь черных волос выбилась из безупречного каре, упала ей на глаза. Она закричала, наставив обвиняющий перст на Жозефину:

— Мы заключили договор! Я отдаю тебе все деньги, а вся слава остается мне! Я соблюдала условия! А ты — нет! Тебе нужно было и то, и другое: и деньги, и слава!

— Ты прекрасно знаешь, что это неправда. Ничего я не хотела, Ирис, вообще ничего! Ни книгу писать, ни деньги за нее получать! Мне хотелось только дать приличное воспитание Гортензии и Зоэ.

— Посмей мне еще сказать, что не ты подослала эту мелкую стерву Гортензию, чтобы она опозорила меня прямо на телевидении! «Это не моя тетя написала книгу, а моя мама...» Посмей только! Тебе очень даже кстати пришлось, что она все разболтала! Состроила из себя святую невинность и захапала себе все, даже меня поимела! И если я сейчас тихо подышаю на этой гребаной кровати, в этом виновата ты, Жозефина, только ты!

— Ирис... Прошу тебя...

— И тебе все мало? Издеваешься надо мной? Что тебе еще нужно? Мой муж? Мой сын? Да бери их, Жозефина, бери!

— Что ты такое говоришь?! Ты так не думаешь. Это невозможно. Мы же так любили друг друга, по крайней мере я тебя любила и люблю до сих пор.

— Ты мне противна, Жози. Я была твоей самой верной союзницей. Я всегда была рядом, вечно платила за тебя, вечно приглядывала за тобой. Раз в жизни я попросила тебя что-то для меня сделать, и ты меня предала. Решила взять свое! Опозорила меня! Почему, как ты думаешь, я валяюсь в этой клинике и сплю целыми днями, одурев от снотворных? Потому что у меня нет выбора! Если я отсюда выйду, все станут показывать на меня пальцем. Лучше уж подохнуть здесь. Я умру, и моя смерть будет на твоей совести, посмотрим тогда, как ты сможешь жить дальше. Потому что я тебя так не оставлю! Буду являться по ночам и хватать тебя за ноги, за твои маленькие теплые ножки, прижатые к большим холодным ногам моего мужа, на которого ты втихаря заришься. Думаешь, я не знаю? Думаешь, не слышу, какие трели он пускает, когда говорит о тебе? Я еще не совсем одурела, чую, куда его тянет. Я не дам тебе спать, не дам поднести к губам бокал шампанского, который он тебе протянет, а когда его губы коснутся твоего плеча, я тебя укушу, Жозефина!

Рукава ее халата сбились, обнажив бледные, исхудалые руки, зубы были стиснуты, на скулах ходили желваки, а глаза горели лютой ненавистью, ненавистью ревнивой женщины к сопернице. От этой ревности, от этой дикой ненависти Жозефина похолодела. И прошептала, словно признаваясь сама себе:

— Да ведь ты меня ненавидишь, Ирис...

— Наконец-то дошло! Наконец-то мы не обязаны ломать комедию и изображать любящих сестер!

Она кричала, яростно тряся головой. Потом притихла и сказала, глядя горящими, безумными глазами прямо в глаза сестре и указывая на дверь:

— Убирайся!

— Но, Ирис...

— Я тебя больше видеть не хочу. И нечего сюда таскаться. Скатертью дорожка!

Она нажала на кнопку, вызывая медсестру, и откинулась на подушки, зажав руками уши, пресекая любые попытки Жозефины как-то продолжить разговор и помириться.

Это было три недели назад.

Она никому об этом не рассказала. Ни Луке, ни Зое, ни Гортензии, ни даже Ширли, которая всегда не слишком жаловала Ирис. Нечего другим судить ее сестру, она сама прекрасно знает ее достоинства и недостатки.

Она злится на меня, злится, что я заняла первое место, по праву принадлежавшее ей. Вовсе я не подучила Гортензию вынести эту историю на свет божий, вовсе я не нарушала договор. Но как сделать, чтобы Ирис приняла правду? Она совершенно убита и ничего не хочет слушать. Винит Жозефину в том, что та загубила ее жизнь. Всегда проще обвинять других, чем разбираться в собственных ошибках. Ведь это Ирис предложила ей написать книгу, чтобы выдать ее за свою, это Ирис соблазнила ее деньгами, это Ирис все обстряпала. А она лишь позволила собой манипулировать. Она всегда была слабее сестры. Но где, собственно, граница между слабостью и трусостью? Слабостью и двуличием? Разве она, Жозефина, не была счастлива, когда Гортензия заявила на телевидении, что на самом деле «Такую смиренную королеву» написала ее мать, а не тетя? Да, я была потрясена, но меня гораздо больше потряс сам поступок Гортензии, по-своему признавшей мне в любви и уважении, чем восстановление меня в правах как писательницы. Да плевать мне на эту книгу. Плевать на эти деньги. Плевать на успех. Я хочу, чтобы все стало как раньше. Чтобы Ирис меня любила, чтобы мы вместе ездили в отпуск, чтобы она была самой красивой, самой блестящей, самой элегантной, и чтобы мы кричали хором: «Крюк хотел схрумкать Крика и Крока, а

Крик и Крок схрюпали Крюка!» — как в детстве. Хочу опять стать невзрачной, неприметной. В одежке преуспевающей дамы мне как-то неуютно.

И тут она заметила свое отражение в зеркале.

Сначала она себя не узнала.

Неужели эта женщина — Жозефина Кортес?

Эта элегантная дама в бежевом пальто с широкими коричневыми бархатными отворотами? Эта прелестная женщина с блестящими каштановыми волосами, красиво очерченным ртом, удивленными, сияющими глазами? Это она? Пухлая шапочка гармошкой завершала и подчеркивала новый облик Жозефины. Она бросила взгляд на незнакомку. Приятно познакомиться. Голубушка, как хороша! И как свободна! Мне так хочется быть на вас похожей, то есть хочется быть и в душе такой же прекрасной, сияющей, как это зыбкое отражение в зеркале. Странное чувство: смотрю на вас и словно раздваиваюсь. Хотя на самом деле мы с вами — одна и та же женщина.

Она так и не притронулась к своей кока-коле. Льдинки растаяли, края стакана запотели. Она не сразу решилась оставить на них следы пальцев. Ну почему я заказала колу? Я же терпеть ее не могу. Ненавижу пузырьки, они лезут в нос, как тысяча рыжих муравьев. Никогда не знаю, что заказать в кафе, вот и говорю, как все: кола или кофе. Кола, кофе. Кофе, кола.

Она подняла голову и посмотрела на стенные часы: половина восьмого! Лука не пришел. Она достала из сумки мобильник, набрала его номер, попала на автоответчик, который четко, почти по слогам произнес «Джамбелли», оставила сообщение. Значит, сегодня вечером они не увидятся.

Может, оно и к лучшему. Всякий раз, как она вспоминала ужасную сцену с сестрой, ее охватывало бессильное отчаяние. Ей ничего больше не хотелось. Разве что сесть на тротуар и смотреть, как мимо идут прохожие, незнакомцы и незнакомки. Неужели обязательно надо страдать, если любишь кого-то? Может, это цена любви, выкуп за нее? Она только и умела что любить. Но не умела сделать так, чтобы ее любили. Это совершенно разные вещи.

— Вы не пьете свою колу, милая дама? — спросил официант, поднимая поднос с соседнего столика. — Невкусно? Может быть, выдохлась? Хотите, я вам ее поменяю?

Жозефина слабо улыбнулась и покачала головой.

Она решила больше не ждать Луку. Поедет домой, поужинает с Зоэ. Уезжая, она оставила ей на кухонном столе куриную отбивную с салатом из зеленой фасоли, фруктовый творожок и записку: «Я в кино с Лукой, вернусь часам к десяти. Зайду поцеловать тебя перед сном, люблю тебя, моя красавица, любовь моя, целую. Мама». Жозефина редко оставляла ее одну по вечерам, но Лука очень настаивал на встрече. «Мне надо с вами поговорить, Жозефина, это очень важно». Она нахмурилась. Он ведь так и сказал, она совсем забыла.

Позвонила домой. Сказала Зоэ, что в итоге вернется к ужину, и попросила у официанта счет.

— Он под блюдцем, милая дама. Право, вы неважно себя чувствуете.

Она оставила ему щедрые чаевые и пошла к двери.

— Погодите! Вы забыли пакет!

Она обернулась: он протягивал ей посылку. Может, я бессердечная? Забываю последнее, что осталось от Антуана, предаю сестру, бросаю дочь одну, чтоб пойти в кино с любовником... что еще?

Она взяла пакет и спрятала за пазуху, под пальто.

— Я чего хотел сказать... у вас шляпка шикарная! — выпалил ей вслед официант.

Уши у нее под шапкой опять покраснели.

Жозефина искала такси, но так и не нашла. Время неподходящее. В это время люди расходятся по домам или отправляются в ресторан, в кино, в театр. Она решила пойти домой

пешком. Моросил холодный дождик. Она крепче прижала к себе пакет под пальто. Куда его девать? Не хранить же в квартире. Вдруг Зоэ найдет... Спрячу в подвале.

Уже совсем стемнело. На проспекте Поля Думера не было ни души. Она быстрым шагом прошла вдоль кладбищенской стены. Увидела автозаправку. Свет шел только от витрин магазинов. На перекрестках она с трудом различала названия боковых улиц, пыталась их запомнить. Улица Шлезинга, улица Петрарки, улица Шеффера, улица Тур... Кто-то ей говорил, что в этом красивом здании на углу улицы Тур Брижит Бардо родила сына. Всю беременность она просидела дома, задернув шторы: папарацци поджидали ее на каждом дереве, на всех окрестных балконах. Соседние квартиры сдавали за немыслимые деньги. Она была узницей в собственном доме. А когда ей все-таки случилось выйти, в лифте ее преследовала какая-то мегера, обзывала шлюхой, грозила выколоть глаза вилкой. Бедная женщина, подумала Жозефина, если это цена славы, лучше оставаться неизвестной. После скандала, устроенного Гортензией на телевидении, журналисты пытались подбираться к Жозефине, фотографировать ее. Она уехала к Ширли в Лондон, а оттуда они сбежали на остров Мустик, в большой белый дом Ширли. Вернувшись, она сменила квартиру и осталась незамеченной. Порой, когда она называла свое имя, Жозефина Кортес, К.О.Р.Т.Е.С, кто-нибудь поднимал голову, благодарил ее за то, что она написала «Такую смиренную королеву». Ее встречали тепло и доброжелательно. Никто пока не гонялся за ней с вилкой.

Проспект Поля Думера перешел в бульвар Эмиля Ожье. Жозефина жила чуть дальше, в парке Ренлей. Она заметила мужчину, который делал гимнастику, подтягивался на дереве. Такой элегантный мужчина, в белом плаще. Забавно он выглядел: такой франт, а висит на ветке, поднимается и опускается на руках. Лица его она не разглядела, он висел к ней спиной.

Неплохое начало для романа. Мужчина повис на ветке в парке. Темная-темная ночь. Он в белом плаще, подтягивается не торопясь, рассчитывая силы. Проходящие мимо женщины оглядываются и скорей спешат восвояси. Кто знает, что у него на уме, то ли хочет повеситься, то ли наброситься на кого-нибудь. То ли отчаявшийся бедняга, то ли убийца... Вот так и начнется эта история. Жозефина доверяла жизни, посылавшей ей знаки, идеи, детали для сюжета. Именно так она написала первую книгу. Глядя на мир широко открытыми глазами. Прислушиваясь, принимающая, наблюдая. Только так можно не стареть. Стареешь, когда замыкаешься в себе, когда отказываешься видеть, слышать, обонять. Жизнь и творчество часто идут рука об руку.

Она шагала по парку. Вокруг темнота, ночь стояла безлунная. Она вдруг почувствовала себя так, словно заблудилась в глухом, враждебном лесу. Задние фары машин казались размытыми за пеленой дождя, их слабые, неясные отсветы пробегали по деревьям и кустам. Ветка, качнувшись под порывом ветра, задела ее по руке. Жозефина вздрогнула. Сердце на миг замерло, потом бешено заколотилось. Она пожала плечами и ускорила шаг. Что здесь может случиться, в этом районе? Все сидят по домам, едят вкусный суп из свежих овощей или всей семьей смотрят телевизор. Дети приняли ванну, переоделись в пижаму и режут в тарелках мясо, а родители рассказывают, как прошел день. Тут нет полоумных, которые рыщут по улицам, задирают прохожих и выхватывают нож. Она заставила себя думать о чем-нибудь другом.

Непохоже на Луку: не прийти и даже не предупредить. Наверное, что-то случилось с его братом. Что-нибудь серьезное, потому он и забыл об их встрече. «Мне надо с вами поговорить, Жозефина, это очень важно». Сейчас он, скорее всего, в полицейском участке, пытается вытащить Витторио из очередной скверной истории. Он всегда все бросал, когда надо было выручать брата. Витторио отказывался встречаться с ней: говорил, не нравится мне эта девка, прибрала тебя к рукам, и с виду абсолютная клуша. Ревнует, насмешливо заметил Лука. «И вы не вступились, когда он назвал меня клушей?» Он улыбнулся: «Да я привык, он хочет, чтобы я занимался только им... Раньше он таким не был, но с каждым